

Klaus Zernack. Polska i Rosja: dwie drogi w dziejach Europy // Wiedza Powszechna. Warszawa, 2000. S.783.

Клаус Цернак. Польша и Россия: Две дороги в истории Европы // Wiedza Powszechna. Варшава, 2000. – 783 с.

Первый научный синтез отношений Польши и России

Существует много разного рода и разной степени ценности книг о польско-российских отношениях. Это, как правило, монографии, посвященные исключительно какому-либо одному фрагменту трудной и даже драматичной истории польско-российских связей, отношений между народами Польши и России, а также отношениям между их государственными организмами. В польской историографии, равно как и в российской, насколько мне известно, никто до сих пор не покушался на попытку синтеза этих отношений в более широком историческом объеме, охватывающем уже более чем тысячелетие. Правда, определенные попытки анализа сколько-нибудь длительных исторических периодов появлялись в европейской историографии, охватывая даже события и исторические процессы нескольких столетий, но это были всегда работы либо фрагментарные с точки зрения хронологической, либо затрагивающие только избранные аспекты истории¹. Несколько лучше в этом смысле выглядели исследования отношений Польши и Германии². Поэтому с большим интересом и признанием был принят перевод на польский язык исследования немецкого историка Клауса Цернака. Оно представляет собой попытку в одной книге представить целостную картину истории изучаемых государств и явлений на длительном временном отрезке и, кроме того, на более широком фоне истории Европы.

Изданная в Варшаве в великолепной серии «Клио в Германии» Немецкого исторического института книга с момента своего появления была дискуссионной, содержащей очень личные авторские оценки и суждения. В одной из рецензий, появившихся после немецкого издания книги, с определенной долей преувеличения сказано, что «об этой книге будут спорить ученые и поколения». Книга написана с большой доброжелательностью как в отношении Польши, так и России. Это исследование хорошо вписывается в более широкий контекст европейского и польского исторического дискурса.

Клаус Цернак (род. в 1931 г.) – профессор университетов во Франкфурте-на-Майне, в Гессене и Свободного университета в Берлине. Историческое образование получил в том же Берлине, Мюнстре и Упсале, много лет занимается историей Центральной и Северо-Восточной Европы, в частности Польши и России. Опубликовал уже четыре книги по этой теме. Является членом множества научных обществ, в том числе Польской Академии Наук, доктором *honoris causa* Университета им. Адама Мицкевича в Познани и Варшавского университета. В 1987 – 2000 гг. руководил польско-немецкой комиссией по учебникам.

Исследование очень обширно. Автор выделяет четырнадцать разделов по хронологическому-проблемному принципу:

I. По следам Плутарха, или Как представить историю взаимовлияний.

II. Начало Польши и Руси на пороге тысячелетия.

III. Структурные изменения до середины XVI века: развитие феодализма, распад патримониального государства.

IV. «Русский мир» в XIV-XV вв.: польский Восток на старорусском Западе.

V. «Долгий» XVI век: век триумфа польской шляхетской демократии над московской автократией.

VI. Шляхетская Речь Посполитая и царское государство. Изменения расстановки сил в XVII веке.

VII. Российское «окно в Европу» и польский кризис суверенитета (1700 – 1763).

VIII. Возрастание могущества России и упадок шляхетской Речи Посполитой (1764 – 1815).

IX. Два национализма, два облика отсталости.

X. Распад старого порядка на Востоке (1890 – 1919).

XI. «Да» и «нет» Версалию: Польша и Советская Россия (1919 – 1945).

XII. Советская гегемония над Россией и Польшей (1945 – 1970).

XIII. Общественная эмансипация и народное самосознание.

XIV. О поляках и русских: вызов и ответ в настоящем, прошлом и будущем.

Некоторые из этих хронологических границ могут вызвать возражения, например 1970 год как верхняя граница периода в XII разделе, тем не менее именно такая периодизация в целом принципиальна.

Послесловие посвящено описанию места Польши и России в немецкой историографии. Книга содержит обширную, хотя и безусловно селективную библиографию, что весьма важно, поскольку в самом тексте нет примечаний. В библиографии, естественно, приведено много работ польских авторов, но заметно и отсутствие многих значительных работ. Кроме того, в книге имеется указатель фамилий (без дат рождения и смерти), географических названий, а также список иллюстраций и карт.

Хотя позаголовок книги «Две дороги в истории Европы» подчеркивает антиномию этих государств и их цивилизационного пути (и в этом следует видеть главную мысль исследования), однако автор старается находить также определенные сходства в исторической роли, которую исполнили восточные соседи Германии – Польша и Россия. Их связывает прежде всего сознание общности, культурную основу которой составляет христианство. Автор справедливо подчеркивает, что оба эти государства, равно как и большинство других, живут не в изоляции, но в системе взаимных воздействий, имеющих свой уходящий далеко в прошлое генезис. Ярким доказательством этому может служить пример из их новейшей истории: «Без польской Солидарности не было бы российской перестройки, но в то же время, если бы не Горбачёв, Польша не вернула бы суверенитета» (с.7). Многовековую историю поляков и русских связывает также особая «структура взаимоотношений», которую Цернак называет по-английски отношениями «challenge and response». Отношения между Польшей и Россией – это часто «постоянное вмешательство одних и других в национальную историю соседа» (с.13), а в XIX и в начале XX века – это острая конфронтация между освободительным национализмом народа притесняемого и гегемоническим национализмом народа господствующего государства. Анализируя в контексте этой конфронтации польское освободительное движение, автор указывает на распространенную на Западе склонность к посмеиванию над традиционностью горизонтов, которыми до настоящего времени ограничено польское историческое мышление, к осуждению его реакционности и даже шовинизма (с.400). Вместе с тем автор подчеркивает, что отношения между этими двумя государствами составляют одну из больших проблем истории Европы, к сожалению не всегда должным образом оцениваемую в европейской историографии. Автор признает, что и немецкие историки до настоящего времени не уделяли этой проблеме должного внимания.

Тем «однако», что отличает эту книгу от специальных монографий, посвященных главным образом (если не исключительно) истории польско-русских отношений, а в лучшем случае реконструкции возникновения взаимных представлений и мифов, является факт, что в богатом историческом материале автор ищет структурные факторы взаимозависимости и противоречий, определяющие антагонизм обеих сторон в культурном отношении. Он находит их прежде всего в отличии в вероисповедании, в различиях между подчиненным царскому трону православием и автономным, в значительной степени независимым от светской власти католицизмом, а также в разных системах осуществления государственной власти: деспотизмом и самодержавием, которое смогло подчинить себе дворянство, и широкой, может быть, даже слишком широкой шляхетской демократией в Польше. Стало быть, основой антиномии является для автора своеобразный византизм как сущность исторической миссии России. В то же время

автор недооценивает роль экономики, определенного общего цивилизационного отставания, которое связывает оба государства и отодвигает их на «периферию» или «полупериферию» Европы. Ведь Западу Польша и Россия видятся очень близкими друг другу. При всех различиях как Польша, так и Россия оставались странами слабомодернизированными. Можно целиком согласиться с замечанием, высказанным в одном из польских откликов на эту книгу – в рецензии проф. Мартина Кули: «Сходства между Польшей и Россией стали бы более выразительными, если бы и без того толстую книгу Цернака дополнить еще парой разделов – о сопоставлении Польши, России и Центрально-Западной Европы»³.

В книге имеется довольно много любопытных подробностей, оригинальных наблюдений. Так, например, автор отмечает, что среди всех европейских династий Пясты были особенно уважаемы Рюриковичами (главным образом, выходцами из киевского княжеского дома) в их матримониальной политике. Как следует из точного реестра, составленного автором (с. 66 – 68), в 1015 – 1300 гг. между этими династиями было заключено 22 брака, т.е. 2,2 брака в одном поколении. Подчеркивая значение городских вече в политической жизни Руси, Цернак отмечает, что княжеская власть была вынуждена оказывать сопротивление усиливающимся городам, что было совсем не так, как в Польше, где с княжеской властью конкурировали магнаты при ничтожной политической роли городов. В период феодальной раздробленности братоубийственная борьба между отдельными династиями на Руси была более упорной и жестокой, чем в Польше.

Внимание польского читателя привлекает толкование генезиса современного российского национализма начиная с XIX века – ссыла в числе прочего на интегрирующую программу Павла Пестеля, которая предполагала объединение всех племен, а стало быть, и поляков в один российский народ и утверждение господства русского языка на всей территории российского государства. Таким путем «все племена, населяющие Россию, ко всеобщему благу станут целиком российскими и помогут привести Россию к высшему уровню благосостояния, величия и могущества» (с. 398). Имперско-российское народное самосознание выражали многие произведения Александра Пушкина, а затем и публицистика Михаила Каткова и Юрия Самарина. Последний сформулировал кредо интегрирующего панславизма, которое было абсолютно недвусмысленным: «Польша – это острый клин, который католицизм вбил в самое сердце славянского мира, чтобы его разбить» (с. 419).

Для будущего польско-российских отношений фатальное значение имел тот факт, что начатый Александром II цикл демократических реформ российского государства в 1860-х годах не преобразовал эти отношения в структурные формы государственной федерации, а польское январское восстание привело к обратному эффекту – к резкому переходу к крайне унифицирующему, централистическому, открыто империалисти-

ческому панрусизму. А одновременно, в те же 1860-е годы, российский панславизм, выросший из давней историософичной критики Запада и из российского провиденциализма в понимании славянофилов, стал идеологией, которая поддерживала российские претензии на главенствующую роль в восточноевропейском и евро-азиатском мире. Причем направлен он был прежде всего против «отщепенческой» Польши (с. 428 – 429). В российской политической мысли это ярче всего выразили произведения Николая Данилевского и Фёдора Достоевского.

Весьма занимателен в познавательном отношении подраздел, в котором речь идет о проблеме «молодых народов», живущих на давних восточных польских землях, и их отношении к польскому национальному самосознанию. Известно, что на территории давнего востока Польши после 1863 года поляки составляли меньшинство (только в районе Белостока и Вильнюса они составляли большинство населения), которое оказывало свое влияние, в частности, на сферу культуры. Следствием этого факта было то, что, с одной стороны, на упорствование польского национализма в отношении границ 1772 года решающее влияние оказывали не только исторические и эмоциональные, но в равной степени и демографические, и экономические, а также общественно-культурные факторы, а с другой стороны, то, что народные устремления литовцев, белорусов и украинцев должны были быть направлены – в общественно-политическом смысле – против всего польского, несмотря на то что именно польское национальное движение было для них образцом для подражания. Тем самым эти движения боролись на два фронта: с одной стороны, с политической русификацией, идущей с Востока, а с другой – с культурно-экономической полонизацией, направленной с Запада. При этом автор признает, что и на рубеже XIX – XX вв., а практически и в течение всего XX века «польский вопрос» неизменно оставался в центре российской политики в отношении Запада (с. 445).

Вполне понятно, что такого рода синтез, принадлежащий перу только одного автора, естественным образом должен быть обречен на множество недочетов, упрощений, на недостаток внимания к важным событиям, а иногда и на фактические ошибки, поскольку невозможно себе представить, что одному человеку под силу правильно понять и интерпретировать польско-русские отношения на протяжении целого тысячелетия. Тем более, когда этот человек – историк, воспитанный и сформированный в культуре, отличной от польской и российской, представляющий иную ментальность. В польской прессе раздаются многочисленные предостережения такого типа. Возможность критики по поводу частных следует оставить специалистам по конкретным эпохам. Здесь приведу для примера лишь несколько замечаний, имеющих самый общий характер, а также касающихся близкого мне в исследовательском плане периода – XIX и XX вв.

Начало включения польского шляхетского государства в сферу российских влияний автор относит к 1697 году. Потом Польша, до событий

1989 – 1990 гг., не принимала независимых решений «о своем политическом будущем» (с. 7). Однако это мнение следует признать весьма дискуссионным. Опуская здесь некоторые другие эпизоды, например русско-польскую войну 1831 года, можно с уверенностью сказать, что два десятилетия Второй Речи Посполитой ставят под сомнение обоснованность так категорично сформулированного тезиса.

Традиционной, не учитывающей ни западных, ни российских, ни польских новых исследований⁴, является оценка последнего царя России Николая II. Автор значительно недооценивает также его реформаторские достижения, трактуя их исключительно как вынужденные (с. 450, 460, 462 и др.).

Константин Победоносцев не был «генеральным прокурором» (с. 451), а был руководителем Синода – высшего органа православной церкви, т.е. кем-то вроде светского министра по делам религии. Трудно согласиться также с утверждением, что к концу правления Романовых «не наступила политическая модернизация» (там же), так как изменения государственного строя, хотя и недостаточные и слишком медленные, зашли уже далеко.

Министром внутренних дел России был Дмитрий Сипягин, а не Зипягин (с. 457); ошибка в орфографии, скорее всего, вина переводчика, а не автора.

Введенный в 1905 году институт Совета министров не «занял места Государственного совета» (с. 463), который сохранился и вскоре был преобразован в верховную законодательную палату. Путаными являются объяснения по поводу новой редакции «Основных государственных законов» Российской Империи 1906 года как подтверждения «укоренившейся в российской традиции абсолютной монархии» (с.464). Сам автор немного ниже утверждает, что «государственное устройство России преобразовалось в направлении конституционного правового государства» (с.465), что уже ближе к правде.

Печально известный Распутин вовсе не был «предводителем фанатического движения хлыстов» (с. 484). Хлыстом он был вне всякого сомнения (и это подтверждают новейшие исследования), но от этого утверждения до тезиса о его руководящей роли достаточно далеко.

Ошибочную информацию можно встретить также в описании ситуации на польских землях, находившихся после раздела Польши под российским влиянием на рубеже XIX – XX вв., и вообще в описании дел, связанных с Польшей. Юзеф Пилсудский представлен как социалистический и патриотический деятель не в эмиграции (с.455), а в Польше. Много коррективов следовало бы внести в изображение социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) – «партии Розы Люксембург и Феликса Дзержинского» (с.456). Польская социалистическая партия (ПСП) и некоторые другие национальные социалистические партии участвовали не в «тайном учредительном конгрессе» кадетской партии (с.459), а в эмигрантском парижском съезде, на котором возникла идея создать «блок» (своего рода коалицию) оппозиционных демократических партий Россий-

ской Империи. Численность СДКПиЛ и ПСП во время революции 1905 – 1906 гг., вопреки тому, что пишет автор (с.461), была приблизительно одинакова. Народный характер событий революции 1905 года проявлялся не только в Латвии и Эстонии (с.461), но также (а может быть, и прежде всего) в Королевстве Польском.

Трудно выделить в описании российской политики на польской территории весьма важные для данной темы периоды – по меньшей мере три – ее временной либерализации: во второй половине 1890-х годов, в 1905 году и в годы Первой мировой войны.

Преувеличением, безусловно, является трактовка попыток Ю. Пилсудского найти в 1905 году в Токио финансовую помощь для вооруженного сопротивления ПСП как стремления «к заключению польско-японского союза» (с.471).

Много возражений может вызвать также явное приуменьшение ответственности Германии за развязывание первой мировой войны (с.476).

Подобных неточностей специалисты по другим историческим эпохам найдут, вероятно, немало. Однако при всех этих погрешностях исследование Клауса Цернака заслуживает высшего признания именно как смелая попытка синтеза отношений Польши и России.

Отсутствие такого рода синтеза остро ощущалось в равной степени как в польской, так и в российской историографии, а последующие исследования и работы, которые, несомненно, будут появляться, а также дискуссия, которую Цернак вызывает среди историков, приведут к появлению в будущем более полного и более легкого во всех отношениях синтеза.

¹ См., напр.: Z.K., *Coates W.P.* Six centuries of Russo-Polish relations. London, 1948; *Budnov S.* History of the Jews in Russia and Poland from the earliest times until the present day. T. 1 – 3. Philadelphia, 1916 – 1920; *Halecki O.* Historia Europy – jej granice i podziały, przełoż. J.M. Kłoczowski. Lublin, 1994; *Dzwonkowski W.* Polska i Rosja. Warszawa, 1991.

² См., напр.: *Labuda G.* Polska granica zachodnia. Tysiąc lat dziejów politycznych. Poznań, 1974; *Polacy i Niemcy. Dziesięć wieków sąsiedztwa. Studia ofiarowane prof. Januszowi Pajewskiemu w osiemdziesiątą rocznicę urodzin, praca zbiorowa pod red. A. Czubińskiego.* Warszawa, 1987; *Polacy i Niemcy. Przeszłość. Teraźniejszość. Przyszłość, praca zbiorowa pod red. H. Zielińskiego.* Katowice, 1993; *Wojciechowski Z.* Polska – Niemcy. Dziesięć wieków zmagania. Poznań, 1945; *Wrzesiński W.* Sąsiad czy wróg? Ze studiów nad kształtowaniem obrazu Niemca w Polsce w latach 1795 – 1939, Wrocław, 1992; *Friedberg M.* Kultura polska i niemiecka. T.1 – 2. Poznań, 1946.

³ *Kula M.* W jednym stały domu czy w dwóch? // Nowe książki. 2001. №2. S. 17.

⁴ *Боханов А.* Николай II. М., 1997. – 480 с.; *Lieven D.* Nikolas II. Emperor of the all Russia. London, 1993. P. 292; *Sobczak J.* Cesarz Mikołaj II. Młodość i pierwsze lata panowania. 1868 – 1900. Cz. I. Młodość. Cz. II. Na tronie. Olsztyn. S. 362+284.

Ян Собчак